

Независимая газ. - 1998. - 18 марта - с. 7

Премьера «Князя Игоря» Бородин в Мариинском театре СЛОВО О ПОЛКУ ГЕРГИЕВЕ

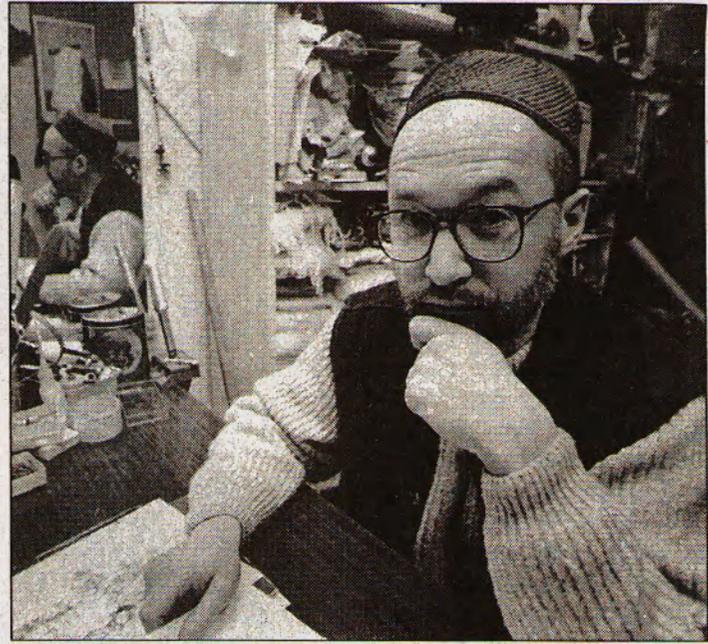
Лауреат «Золотой маски» художник Юрий Хариков стал заложником предстоящих американских гастролей Валерия Гергиева

Вадим Журавлев

МЕСЯЦА три назад московская театральная общественность с жаром обсуждала возможность сотрудничества модного сценографа Юрия Харикова и Мариинского театра. Казалось, что после многолетних эстетических штатаний Валерия Гергиева, когда мастеровитых английских художников из совместных с «Ковент-Гарденом» постановок сменяли отечественные малеватели цветастых тряпочных задников, а радикалу Георгию Цыпину (который в паре с американцем Селларсом любит сложные технические конструкции и неоновые лампы) приходилось подлаживаться под не самую лучшую машинерию Мариинки, театр наконец-то нашел своего художника. Хариков — это передовой край русского театра, авангардист, который способен создать спектакль и без режиссера (тем более что Гергиев их ненавидит), да и на гастролях его работы показать не стыдно. Но в жизни союз свежееиспеченного лауреата «Золотой маски» и амбициозного Мариинского театра оказался не столь идиллическим.

Проверкой Харикова, которому была уготована роль главного художника Мариинского театра (впервые в правление Гергиева на эту должность появился реальный кандидат), стала постановка оперы Бородина «Князь Игорь», премьера которой состоялась в минувшее воскресенье. Совсем не новый для театра «Князь Игорь» (в последние годы он идет в Мариинке в странноватой редакции питерского композитора Юрия Фалика, дописавшего по черновикам Бородина второй Половецкий акт и осуществившего общую редактуру партитуры) был выбран не случайно. В конце апреля на сцене нью-йоркской «Метрополитен-Опера» пройдут грандиозные гастролы Мариинского театра, впервые в истории первой оперной сцены Америки они включены в календарный план «Мет». Из тех спектаклей, которые Гергиев отважился вывезти за океан («Руслан и Людмила», «Обручение в монастыре», «Мазепа»), «Князь Игорь» был самым ветхим. Старой постановке было полвека, и на привыкших к определенному эстетическому уровню американцев она могла произвести плохое впечатление. Так что на Харикова ложилась большая ответственность — он должен был создать сценический шедевр для эпохального гастрольного тура. Видимо, поэтому в пару к нему определили молодого режиссера Георгия Исаакяна — вместе они работали над «Пиковой дамой» в Перми.

Как водится в Мариинском театре, Гергиев приехал накануне премьеры из Милана, где он дирижировал «Хованщиной» в «Ла Скала», и для него, как и для многих питерцев, новая постановка «Князя Игоря», похоже, стала большой неожиданностью. На Западе все же принято, чтобы дирижер, режиссер и художник работали над спектаклем вместе. Тогда на конечный результат можно по-

Художник Юрий Хариков. Фото Андрея Никольского (НГ-фото)

влиять в процессе его создания, а не выносить на суд публики заведомо сырой вариант спектакля, как это произошло с «Князем Игорем». Надутые декорации Харикова породили массу технических проблем, и премьера шла с четырьмя антрактами, перерывы были почти в два раза больше действий, а закончился спектакль за полночь в почти пустом зале (метро в Питере закрывается в полночь). Понятно, что в Нью-Йорке все декорации будут надуваться заранее и спектакль будет идти с двумя антрактами. Но на маленькой сцене Мариинского ему, видимо, суждено пройти только два раза (второй спектакль состоится сегодня). Премьера «Князя Игоря» продемонстрировала, что в Мариинском очень трудно создать спектакль синтетический: музыка, режиссура и сценография существуют в нем в параллельных мирах, не соприкасающихся ни на мгновение. Впрочем, режиссура — слишком громкое название для тех разводов, которые сделал Исаакян. В затянувшихся антрактах рефреном в разговорах звучал один вопрос: «А где же здесь режиссер?» Если в пермской «Пиковой даме» Исаакян разочаровывал, то в «Князе Игоре» было просто не узнать большого выдумщика и создателя многих оригинальных спектаклей.

Главной же жертвой постановки стал художник. Несмотря на то, что он создал оригинальную и «умную» сценографию, ощущалось, что эта музыка — не его. (Западные театральные новаторы, Уилсон или Фрайер, тщательно подходят к выбору репертуара.) Рядом с роскошными половецкими шатрами, надувными бревнами, разбросанными по сцене в лирическом беспорядке, удивительной цветовой игрой — белоснежные и алые задники в сочетании с пятнистыми «варварскими» покровами и коврами — нелепо смотрелись пестрые, «лоскутные» костюмы бояр и русских девушек, блестящие, как из фольги, костюмы русских и половец-

ких воинов. При отсутствии адекватной этой эстетике режиссуры сценография все же производила впечатление неловкости и чужеродности. Особенно дико в этом контексте смотрелись Половецкие пляски, в которых по понятным причинам (все те же предстоящие гастролы) сохранили хореографию Фокина.

Зарождавшийся еще во время спектакля внутри питерской тусовки бунт против хариковских нововведений, похоже, в ближайшие дни выльется в настоящее выдвигание этого талантливого художника из гергиевского «полка». Ведь общую неудачу этой постановки спишут на счет чужака-сценографа. И худруку Мариинки придется вновь искать нового кандидата на должность штатного сценографа театра. Правда, нельзя сбрасывать со счетов еще и противоположный вариант: упрямый Гергиев не прислушается к мнению своего окружения и все же предложит Харикову новые варианты сотрудничества.

Музыкальная сторона премьеры тоже была далека от идеала. Аутентичной версии Юрия Фалика назвать трудно — купюры в ней все же есть, и второй Половецкий акт только увеличивает продолжительность спектакля. Попытка сделать оперу более логичной натывается на откровенно плохую «реставрированную» музыку и только портит привычный набор шлягерных арий и дуэтов Бородина. Гергиев, как всегда, дирижировал экспрессивно и мощно, но, кроме напора и оглушительных форте, ничего не смог предложить залу. Вся вокальная рать театра — Галина Горчакова (Ярославна), Николай Путилин (Игорь), Владимир Огневенко (Галицкий), Юрий Марусин (Владимир), Лариса Дядькова (Кончаковна), Владимир Ванев (Кончак) — на этот раз выглядела бледно и до вокальных, а тем более актерских достижений было ох как далеко.

Санкт-Петербург — Москва

166